

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Разговор двадцать второй

Монтескье

До беседы с вами мне был неведом и дух законов, и дух финансов. Я благодарен вам за то, что вы просветили меня в обеих областях. Теперь в ваших руках величайшая власть современного мира — деньги. С их помощью вы можете приобрести почти все, что только пожелаете. Владея столь чудовищными средствами, вы можете, вне всякого сомнения, творить великие деяния. Теперь-то вы наконец делом докажете, что, как вы говорите, «добро может проистекать из зла».

Макиавелли

Я, в самом деле, хотел доказать вам это.

Монтескье

Пожалуйста, начинайте!

Макиавелли

Самым значительным из моих благих свершений станет мир в стране, который я подарю своему народу. При моем правлении дурные инстинкты будут подавляться, добрые люди вздохнут свободно, а злые задрожат от страха. Я возвращу свободу, достоинство и силу стране, которая до моего прихода к власти была разделена на отдельные партии.

Монтескье

Поскольку вы столь многое уже изменили, не удалось ли вам изменить и смысл этих слов?

Макиавелли

Свобода вовсе не означает распушенности, равно как и достоинство и сила не заключаются в бунте и беспорядках. Мое царство, умиротворенное внутри, приобретет славу вне своих границ.

Монтескье

Насколько далеко за их пределами?

Макиавелли

Я буду вести войны, причем во всех четырех сторонах света. Я, словно Ганнибал, перейду Альпы, я, словно Александр, буду вести военные действия в Индии, словно Сципион, — в Ливии. Я пройду со своими войсками от Атласа до Тауруса, от берегов Ганга до Миссисипи, от Миссисипи до Амура. Передо мной распахнутся ворота Великой китайской стены. Мои победоносные легионы в Иерусалиме возьмут на себя охрану гроба Господня, а в Риме — охрану наместника Божия на земле. Шаги мои станут вздывать пыль инков в Перу, в Египте они пройдут маршем по пеплу Сезостриса, в Мессопотамии — по пеплу Навуходоносора. Я как наследник Цезаря, Августа и Карла Великого на берегах Дуная отомщу за поражение Вара, на берегах Балтики — за постыдное поражение норманнов.

Монтескье

Прошу вас, прекратите! Если вы намерены отомстить за поражения всех великих полководцев, вы никогда с этим не покончите. Я не смогу вас сравнить с Людовиком XIV, к которому Буало обратился со следующими словами: «Великий король, прекрати побеждать, иначе я прекращу описывать твои победы». Это сравнение будет не в вашу пользу. Признаюсь вам, что ни один военный герой прошлого или нового времени не может с вами сравниться.

Однако об этом и не ведется речи. Война как таковая все же является злом. В ваших руках она служит лишь тому, чтобы терпеливо сносить еще большее зло — я имею в виду несвободу. Где же таятся во всем этом добрые дела, которые вы обещали совершить?

Макиавелли

Здесь не существует никаких недоразумений. Слава сама по себе уже великое благо. Она — лучшее помещение капитала. Монарх, пожинающий плоды славы, обладает и всем остальным. Его боятся соседние государства, он — арбитр Европы. В его кредитоспособности никто не смеет усомниться, поскольку, хотя вы и сказали, что победы не приносят с собой ничего, власть никогда не отказывается от своих прав. Делаешь вид, что речь идет чисто об идейных противоречиях, скрываешь свои подлинные интересы — и в один прекрасный день ты продвинулся так далеко, что овладел провинцией, владеть которой хотел, и заставляешь побежденных платить дань.

Монтескье

Совершенно естественно, что, имея такую систему, действуешь таким образом, пока эту власть удерживаешь. В ином случае игра в солдатики была бы слишком неумной.

Макиавелли

Так-то вот! Вы видите, наши мысли начинают понемногу сближаться.

Монтескье

Да, они так же близки друг другу, как близки Атлас и Таурус. Поведайте, какие великие свершения вы осуществите еще в своей империи.

Макиавелли

Я не отказываюсь столь безоговорочно от сравнения с Людовиком XIV, как вам это показалось. У меня обнаружатся многие черты, сближающие с этим монархом. Я, как и он, стану возводить грандиозные строения, однако мое честолюбие в этой области зайдет еще дальше, равно как и честолюбие самого прославленного монарха. Я продемонстрирую народу, что я могу снести огромные здания и сооружения, на постройку которых когда-то были затрачены столетия, и возвести их заново всего за несколько лет. Дворцы моих монархических предшественников бу-

дуг снесены, чтобы вновь быть возведенными по новым планам и придать городам более привлекательный облик. Вы даже представить себе не можете, насколько такие сооружения привязывают народы к своим правителям. Можно было бы сказать, что народы прощают своему монарху то, что он разрушает их законы, строя вместо них красивые дома. Впрочем, вы сейчас увидите, что эти сооружения служат особенно важным целям.

Монтескье

Будете ли вы заниматься чем-нибудь еще, кроме строительства?

Макиавелли

Вы несколько торопитесь. Число великих деяний не безгранично. Я прошу вас признать, что от Сезостриса до Людовика XIV или до Петра двумя главными делами, которыми занимались великие монархи, были война и строительство.

Монтескье

Это, пожалуй, верно; однако повсеместно существовали абсолютные монархи, которые занимались тем, что издавали хорошие законы, содействовали исправлению нравов и укоренению простоты и скромности. Существовали монархи, которые посвящали себя наведению порядка в финансах и экономике, которых заботило то, чтобы после их смерти их народам остались порядок, мир, прочные социальные устройства, а иногда даже свобода.

Макиавелли

О, все это вполне достижимо. Стало быть, вы тоже понимаете, что абсолютные монархи оставляют светлые следы в истории.

Монтескье

К сожалению, их не слишком много. Однако попытайтесь доказать мне обратное. О чем хорошем вы можете рассказать мне?

Макиавелли

Я буду способствовать максимальному подъему духа предпринимательства. Мое правительство станет правительством великих торговых предприятий. Я открою новые и до сих пор неизведанные пути для спекуляций. Мои чиновники на это будут смотреть сквозь пальцы. Я освобожу ряд промышленных отраслей от необходимости соблюдать относящиеся к ним законодательные инструкции. Мясники, булочники и театральные предприниматели вообще будут свободными.

Монтескье

Свободными для чего?

Макиавелли

Будут свободно печь хлеб, продавать мясо и создавать театры без разрешения властей.

Монтескье

Не знаю, что все это должно значить. Правом на свободу торговли располагают все современные народы. Не можете ли вы рассказать мне о чем-либо более интересном?

Макиавелли

Я постоянно буду заниматься благосостоянием народа. Мое правительство обеспечит его работой.

Монтескье

Дайте народу самому найти для себя работу — это более ценно. Политические властители не имеют права приобретать популярность за счет грошей своих подданных. Государственный доход состоит ведь из самообложения народа налогом, средства которого допустимо расходовать лишь на общественные нужды. Если рабочий класс приучить полагаться на государство, то он деградирует. Он утратит свою энергию, свой запал, подвижность своего духа. Если он получает свою заработную плату от государства, то он попадает таким образом в своего рода

рабство, из которого он может освободиться только в том случае, если разрушит само государство. Государственное строительство поглощает огромные суммы на непродуктивные цели, отнимает капитал, который можно было использовать в других целях, убивает небольшие предприятия, ведет к обнищанию низших слоев населения. Сначала накопите средства, и лишь затем начинайте строить. Управляйте с умеренностью и справедливостью, вообще правление ваше должно быть лишь едва заметно, и народу нечего от вас будет требовать, поскольку он в вас не нуждается.

Макиавелли

Как вы можете с холодным сердцем вести речи о бедственном положении, в котором пребывает народ! У моего правительства совсем иные принципы. Я открыл свою душу для страждущих, для маленьких людей. Во мне растет возмущение, когда я становлюсь свидетелем того, как богатые устремляются к удовольствиям, недоступным большой массе людей. Я сделаю все, что в моих силах, для улучшения материального положения рабочих, поденщиков, всех людей, угнетенных тяготами социальных условий.

Монтескье

Начните же тогда с того, что раздайте им деньги, которые вы предназначали для жалованья высокопоставленным лицам, министрам, тайным советникам вашего двора. Передайте им денежные вознаграждения, которыми вы осыпаете своих слуг, придворных и метресс. Поступите еще лучше: сложите с себя порфиру, которая является протестом против идеала равенства всех людей. Откажитесь от титулов «ваша светлость», «ваше высочество», «ваше превосходительство», которые, подобно кинжалам, пронзают любое гордое сердце. Назовите себя протектором подобно Кромвелю, но поступайте, подобно апостолам христианства. Живите в хижине бедняка, подобно Альфреду Великому, ночуйте в больницах, спите в постелях больных, подобно святому Людвигу. Легко выказывать христианское милосердие, когда жизнь окружена праздниками, когда вечером отправляешься в роскошную постель, да еще и с прекрасной женщиной, когда, засыпая и просыпаясь, ты окружен многочисленным услужливым персоналом. Будьте отцом страны, а не деспотом, патриархом, а не государем. Если эта роль вам не подходит, станьте

главой демократической республики, принесите народу свободу, обеспечьте свободе доступ ко всем нравам и обычаям и делайте это с величайшей энергией, если это соответствует вашему темпераменту. Станьте Агесилаем, одним из Гракхов. Мне не понять, что вы ищете в этом изнеженном обществе, в котором все склоняются перед государем и приспосабливаются к нему, где всем умам придается одинаковая форма, а все души облачены в одинаковые костюмы. Я могу понять стремление к власти над людьми, но не над автоматами.

Макиавелли

Это все пустые речи, на которые нечего возразить. Однако такие тирады могут свергать правительства.

Монтескье

Ах, у вас всегда одна забота: каким способом вы удержитесь у власти. Если вы хотите доказать свою любовь к народу и свою заботу о его благе, от вас стоило бы потребовать лишь одного: чтобы вы на благо государства оставили свой трон. Народу, избранником которого вы являетесь, следовало бы выразить свою волю лишь для того, чтобы выяснить, как вы относитесь к его суверенитету.

Макиавелли

Что за странная мысль! Я для пользы самого народа не выполню его волю.

Монтескье

Откуда вам знать, что для народа полезней всего? Если вы подчиняетесь народу, по какому праву вы подчиняете тогда народную волю воле собственной? Если вас добровольно признали монархом не потому, что вы имели на это право, а потому, что этого требовала необходимость, на каком основании вы во всем полагаетесь на насилие и отвергаете разум? Вам следует постоянно заботиться об устойчивости вашей монархии, поскольку вы из категории тех людей, которые живут лишь одним днем.

Макиавелли

Одним днем! Я буду править всю свою жизнь, как, вероятно, и мои потомки. Вы изучили мою политическую, экономическую и финансовую систему. Не хотите ли познакомиться и с последними средствами, с помощью которых корни моего владычества проникнут в самую глубину почвы?

Монтескье

Не хочу.

Макиавелли

Вы не намерены меня более выслушивать. В таком случае вы побеждены — вы, ваши принципы, ваши ученики и все ваше столетие.

Монтескье

Если вы настаиваете, прошу продолжать. Однако пусть эта речь будет последней.

Разговор двадцать третий

Макиавелли

Я не стану касаться ваших колких речей. Здесь не место высокопарным заявлениям. Было бы явным сумасшествием, если бы к государю обратились со словами: не будете ли вы столь любезны покинуть свой трон на благо своего народа? Совершенно невозможно также сказать ему: так как вы обязаны своим существованием всеобщему избирательному праву, вы должны поставить себя в зависимость от колебаний воли народной и всегда быть открытым для любой дискуссии. Не в том ли состоит высший закон однажды завоеванной власти, что она утверждает себя, причем не только в своих собственных интересах, но и в интересах народа, которым она управляет? Разве я не принес величайшую жертву, которую только можно принести в современных услови-

ях на алтарь равноправия всех граждан государства? Разве правительство, созданное на основании плебисцита, не является окончательным выражением воли большинства? Вы скажете мне, что такой принцип уничтожает свободу народа. При чем тут я? Этот принцип однажды появился. Можете ли вы назвать мне средство, с помощью которого мир можно избавить от него? А если миру от него не избавиться, можете ли вы мне назвать средство, как осуществить этот принцип в больших европейских государствах иным способом, чем передача власти в руки одного человека? Вы столь строго судите о средствах, применяемых правителями. Покажите мне другой способ, которым можно осуществлять власть, и если нет никаких иных способов, кроме абсолютизма, тогда скажите мне, как отделить эту власть от тех характерных несовершенств, на которые она обречена вследствие своего собственного принципа. Нет, я не стану новым святым Винцентом из Паулы, поскольку моим подданным нужен не человек с ангельской душой, а человек с сильной рукой. Я не стану и Агесилаем, Ликургом и Гракхом, поскольку живу не среди спартанцев и римлян. Я живу в обществе, жадном до удовольствий, в котором жажда зрелищ соединяется с милитаристским восторгом, обаяние грубой силы с привлекательностью чувственных удовольствий, в обществе, которое отбросило прочь авторитет Бога, авторитет отца, авторитет религиозных уз. Я не создавал мира, в котором я живу. Я таков, каков этот мир. В моей ли власти остановить этот распад? Нет, я лишь могу продлить его жизнь, поскольку мир развалился бы еще быстрее, если его предоставить самому себе. Я использую пороки этого общества, потому что я вижу в нем одни только пороки. Если бы оно имело добродетели, я использовал бы его добродетели. Если моя монархия и не соответствует строгим требованиям нравственности, все же нельзя не увидеть и тех реальных услуг, которые я оказываю людям. Возможно ли не признать мою гениальность, равно как и мое величие?

Я — рука, я — меч, который умиряет революции, возбуждаемые бурей, предшествующей гибели мира. Я останавливаю безумных, которые в глубине своей души движимы лишь брутальностью собственных инстинктов и которые рыскают в поисках добычи, лишь прикрываясь благородными принципами. Если я подчиняю дисциплине эти силы, если я препятствую их распространению в моем отечестве — пусть всего лишь на одно столетие — разве я не оказываю моей стране огромной услуги? Разве я не могу претендовать и на благодарность государств

Европы, которые устремляют на меня взоры, как на бога Озириса, который один располагает силой, способной усмирить эти возбужденные массы? Загляните в будущее и проникнитесь уважением к человеку, чело которого несет на себе знак судьбы, предначертанной всему роду человеческому.

Монтескье

Вы ангел смерти, вы могли бы быть последователем Тамерлана. Низведите народы до положения рабов, и вам все равно не воспрепятствовать тому, чтоб нашлись свободные души, которые станут прекословить вам, души, презрения которых будет достаточно для того, чтобы с божьей помощью сохранить права человеческой совести, вытесненные из человеческого сознания.

Макиавелли

Бог на стороне сильного.

Монтескье

Перейдите, прошу вас, к последним звеньям цепи, вами скованной. Скуйте цепь тесную и прочную вашим молотом на вашей наковальне. Вы ведь все можете. Ведь с вами Бог, и звезда его горит над вами.

Макиавелли

Мне трудно понять возбуждение, сквозящее в ваших речах. Я вовсе не столь жесток и мрачен. Моя конечная политическая цель — не подавление, а освобождение народа. Успокойтесь же. У меня достаточно утешений для вас, которых вы и не ждали. Позвольте мне лишь принять несколько предупредительных мер, которые я считаю необходимыми для моей личной безопасности. Вы увидите, что монарх, защитивший себя подобными мерами безопасности, не имеет оснований опасаться грядущих событий.

Наши книги, написанные вами и мною, обнаруживают, что бы вы ни думали, определенные связи друг с другом, и я полагаю, что деспот, стремящийся к совершенству, должен был прочитать вашу книгу. Вы совершенно верно, к примеру, отмечаете в «Духе законов», что абсолют-

ный монарх должен окружить себя преторианской гвардией.¹ Совет действительно хорош. Я ему последую. Моя лейб-гвардия по численности составит примерно одну треть от моей армии. Я очень высоко оцениваю всеобщую воинскую повинность; она является одним из самых прекрасных изобретений французского ума, однако я полагаю, что следует усовершенствовать это учреждение, держа под ружьем по возможности большее число людей, уже исполнивших свой воинский долг. Я думаю, это мне удастся благодаря тому, что я быстро заберу власть над торговлей, которая в некоторых государствах, как, к примеру, во Франции, ведется теми, кто за деньги добровольно записывается в армию вместо призывников. Я прикрою эту отвратительную лавочку и займусь этим сам на совершенно честных и открытых принципах в форме монополии, создав фонд содействия армии, который послужит мне для того, чтобы привлечь под знамена с помощью денежной приманки таких людей, которые намерены посвятить себя полностью солдатской профессии, и удержать их теми же средствами на военной службе.

Монтескье

Таким образом вы хотите создать в своей собственной стране что-то вроде наемных войск.

Макиавелли

Да, так их назовут злобные представители разных партий, хотя я руководствуюсь только народным благом и — вполне законным — интересом сохранить самого себя, что послужит общему благу моих подданных.

Перейдем к другим вещам. Вас удивит, если я вновь вернусь к проблеме строительства. Однако я уже подготовил вас к тому, что мы должны об этом поговорить. Вы сразу же распознаете политическую идею, которая проистекает из всеобъемлющей системы предпринятого мной строительства. Тем самым я решаю экономическую проблему, которая принесла много несчастий некоторым государствам Европы, проблему постоянной занятости всего рабочего класса. Мое правительство обещает рабочим постоянную заработную плату. Когда я умру,

¹ *Дух законов. Книга X. Глава 5.*

когда моя система будет оставлена, не будет более никакой работы. Народ тогда ее бросит и нападет на богатых. Начнется революция: промышленность будет расстроена, кредиты уничтожены, в моем государстве будет разворачиваться восстание, в сопредельных с ним государствах поднимется народ, Европу охватит пламя. Я остановлюсь на этом и спрошу вас: скажите, разве привилегированные классы, естественным образом трясущиеся за свое состояние, не делают одно дело с рабочим классом и не связаны с ним теснейшим образом, чтобы сохранить меня и мою династию у власти, и разве, с другой стороны, заинтересованность в покое Европы не свяжет все великие державы с моей монархией? Сооружение построек, якобы имеющее ничтожное значение, является в действительности, как видите, колоссальным делом. Если речь идет о предмете огромной важности, не следует останавливаться ни перед какими жертвами. Вы заметили, что почти любая из моих политических идей связана с определенной финансовой акцией? И здесь все обстоит так. Я проведу учреждение фонда общественного труда, в который я внесу несколько сотен миллионов. С его помощью я буду стимулировать стройки, которые покроют всю территорию моего царства. Вы, вероятно, уже догадались о цели: я поддерживаю организацию рабочих. Это вторая армия, необходимая мне как противовес буржуазным партиям. Однако эта пролетарская масса, которую я буду держать в руках, не должна повернуться против меня в тот день, когда не станет больше хлеба. Об этом я позабочусь с помощью данныхстроек, поскольку в моих замыслах и предприятиях самое любопытное состоит в том, что они одновременно оказывают побочное воздействие. Рабочий, который строит для меня, ведет одновременно строительство против себя, возводя крепости, которые пригодятся для моей защиты. Не зная этого, он изгоняет сам себя из центров больших городов, его пребывание в которых меня беспокоит.

Он навсегда обрекает на неудачу успех уличных революций. На самом деле, результатом великихстроек явится то, что пространство, в котором будет обитать рабочий, будет ограничено, что рабочие будут вытеснены в предместья и что они вскоре вынуждены будут покинуть и эти места, поскольку расходы на жизнь возрастут с увеличением платы за жилье. В моей столице люди, зарабатывающие поденным ручным трудом, смогут жить лишь на самых дальних его окраинах. В соответствии с этим восстания более не смогут разворачиваться в городских кварталах, расположенных в непосредственной близости от

резиденции правительства. Несомненно, вокруг столицы скопится огромная масса трудящегося населения, которого следует опасаться, когда оно приходит в ярость. Но возводимые мной постройки будут спроектированы по единому плану, который учитывает стратегические точки, т.е. они оставят достаточно места для широких улиц, по которым пушки смогут пройти от начала до конца. Эти улицы заканчиваются большим числом казарм, являющихся своего рода бастионами, набитыми солдатами, оружием и амуницией. Мой наследник будет слабоумным стариком или младенцем, если он вознамерится капитулировать перед лицом восстания, поскольку по одному мановению его руки несколько пушечных выстрелов выметут людей миль на двадцать из столицы. Но я не старик и не дитя. Кровь в моих жилах горяча, и род мой по всем признакам крепок. Вы, кстати, еще слушаете меня?

Монтескье

Да.

Макиавелли

Однако вы понимаете, что у меня нет намерений ухудшать материальные условия жизни трудящегося населения города, но я наверняка натолкнусь на трудно обходимое препятствие в деле улучшения материального положения рабочих. Однако обильные средства, которыми располагает мое правительство, наталкивают меня на следующую мысль: я построю для трудового народа большие города, в которых будут дешевые квартиры, города, в которых пролетарскую массу можно будет разделить на отдельные группы, похожие на большие семьи.

Монтескье

Такие классовые поселения называют мышиными норами.

Макиавелли

О, эта страсть к клевете, эта злобная ненависть партий, она не преминет опорочить мои мероприятия. Да, эти дома будут называть так. Меня это совершенно не волнует. Если что-то не задастся — поступлю иначе.

Я не могу закончить разговор о строительстве, не упомянув якобы незначительную мелочь. Однако в политике нет незначительного. Бесчисленные здания, которые я возведу, будут называться моим именем. Они будут заполнены надписями, рельефами, скульптурами в память о событиях моей истории. Повсюду будет вплетен мой герб и моя монограмма. Здесь ангелы держат мою корону, там возвышаются статуи справедливости и мудрости, украшенные моим именем. Все это имеет архиважное значение, я считаю это существенным: благодаря этим знакам, благодаря этим эмблемам личность монарха будет представлена повсюду; он присутствует в твоей жизни, ты вспоминаешь о нем, ты о нем размышляешь. Ощущение его абсолютной суверенности проникает в самые зачерствелые души, словно капли воды, непрерывно стекающей со скал, выдалбливают гранитный камень. По той же причине я повелю установить мои статуи и бюсты, повесить мои портреты во всех общественных помещениях, особенно в залах судебных заседаний, распоряжусь, чтобы меня изображали в королевском сиянии или верхом на коне.

Монтескье

Рядом с изображением Христа.

Макиавелли

Нет, этого не нужно, лучше напротив него. Ведь суверенная власть есть отражение власти Божественной. Так мой образ свяжется с представлением о предвидении и справедливости.

Монтескье

Даже справедливость вы оденете в униформу. Вы не христианин. Вы греческий царь Византийской империи.

Макиавелли

Я император католический, апостольский и римский. По тем же причинам, которые я вам только что растолковал, я прикажу добавлять наименование «королевский» ко всем общественным учреждениям, к какому бы виду они ни относились: Королевский суд, Королевский Верховный суд, Королевская законодательная палата, Королевский сенат,

Королевский государственный совет. То же обозначение, насколько это возможно, должны получать чиновники, служащие, официальный персонал из окружения правительства: королевский лейтенант, королевский епископ, королевский артист, королевский судья, королевский адвокат. Короче говоря, слово «королевский», приданное человеку или предмету, должно представлять собой знак власти. Лишь мой день рождения должен стать национальным, а не королевским праздником. Добавлю еще, что улицы, площади должны по возможности быть названы именами, напоминающими об истории моего правления. Если следовать этим указаниям, то можно быть уверенным, что даже если ты будешь вторым Калигулой или Нероном, твое имя навсегда будет запечатлено в памяти народной, а уважение к тебе перейдет к самым далеким потомкам. Как много всего я мог бы сказать об этом! Но я вынужден ограничить себя.

«Ведь разве удастся кому-либо рассказать обо всем, не вызвав у слушателя скуку смертную».¹

Я остановился на мелких средствах, которые буду применять. Сожалею, что придется об этом говорить, поскольку эти вещи не стоят такого внимания, но для меня они имеют жизненно важное значение.

Так, например, утверждают, что при монархических правительствах бюрократия превратится в истинную беду. Я так не думаю. Бюрократия состоит из тысячи государственных чиновников, которые совершенно естественным образом связаны с существующим порядком. У меня есть армия солдат, армия судей, армия рабочих, я хочу иметь и армию чиновников.

Монтескье

Вы совсем не даете себе труда приводить какие-либо основания.

Макиавелли

У меня есть на это время?

Монтескье

Нет. Продолжайте же.

¹ Это фраза из введения к «Духу законов».

Макиавелли

В государствах, когда-то имевших монархическое правительство, — а все они имели такое правительство, по крайней мере, один раз в ходе своей истории, — мне удалось определить безумство, охватывающее людей в погоне за орденами и знаками отличия. Монарху это почти ничего не стоит, и он может осчастливить людей, — более того, с помощью нескольких полосок ткани и нескольких пластинок золота или серебра он может приобрести надежных приверженцев. Я стану награждать почти всех без исключения, если кто того пожелает. Человек, украшенный орденом, — это преданный мне человек. Я превращу эти почетные знаки в символ, объединяющий всех моих верноподданных. Я убежден, что ценой такого значка я смогу приобрести одиннадцать из каждых двенадцати мужчин моей империи. Таким образом я, насколько это в моих силах, воплещу в реальность стремление народа к равноправию. Вы только подумайте: чем больше народ в целом привержен идее равноправия, тем большее предпочтение отдельные люди выказывают к значкам, благодаря которым они отличаются от других людей. Тем самым получаешь средство воздействия на людей, и было бы неумно отказываться от него. Вследствие этого я вовсе не склонен отказываться от своих титулов, как вы мне это порекомендовали. Я увеличу число различных титулов вместе с разного рода почетными должностями в моем окружении, я намерен возобновить при своем дворе этикет Людовика XIV, чиновничью иерархию императора Константина, строгие правила обхождения в дипломатической службе, впечатляющий церемониал. Все это средства безошибочного воздействия правительства на умы массы людей. Если все это соединить вместе, то монарх предстает, подобным Богу.

Меня уверили, что в государствах, которые в соответствии с вашими представлениями являются якобы самыми демократическими, старая аристократия времен прежней монархии ничуть не утратила своего прежнего достоинства. Своими камергерами я назначу дворян из самых древних родов. Многие древние фамилии пришли в упадок. Силою власти, данной мне как суверенному правителю, я помогу их возрождению вместе с прежними титулами, и при моем дворе вы встретите людей с самыми великими историческими именами со времен Карла Великого.

Эти идеи могут показаться вам фантастическими, однако я могу вас заверить, что они способствуют укреплению моей династии в большей степени, чем самые мудрые законы. Культ государя — это своего рода религия, и, как все религии, этот культ порождает непостижимое и мистическое, возвышающееся над любым разумом.¹ Любое из моих действий, сколь необъяснимым оно ни казалось бы, продиктовано расчетом, основой которого является мое благо и благо моей династии. Впрочем, в подобном духе я высказался и в своей книге «Государь»: «Действительно труден лишь захват власти, удержать же власть легко, поскольку в целом достаточно устранить то, что мешает ей, и ввести то, что ее защищает. Как вы смогли убедиться, суть моей политики в том, чтобы сделать себя необходимым другим, чтобы без меня нельзя было обойтись».² Я разрушил лишь такое число организованных сил, какое было необходимо для того, чтобы ничто не могло функционировать без меня, чтобы даже враги моей власти боялись ее падения.

Мне осталось еще представить моральные средства, зародыши которых содержатся в моих учреждениях. Моя монархия — это монархия радости и удовольствий. Вы не станете сердиться на меня, если я доставлю своему народу радость играми и праздниками. Тем самым я смягчу мораль. Нельзя утаить тот факт, что наш век — это век денег. Потребности удвоились, роскошь разоряет целые семьи, повсюду люди устремляются к материальным удовольствиям. Монарх не был бы человеком своей эпохи, если бы не умел обращать в свою пользу это повсеместно распространившееся сребролюбие и эту безумную тягу к чувственным удовольствиям, которые сегодня поглощают человека целиком. Люди преданы мне, если они угнетены нищетой, подавлены чувственностью, пожираемы честолюбием. Однако если я так и говорю, то по сути я руководствуюсь интересами своего народа. Да, я обращаю дурное в хорошее. Я употребляю материалистические наклонности на пользу всеобщего согласия и культуры. Я погашу политические страсти людей, дав свободу их честолюбию, их сладострастию и их потребностям. Я стремлюсь сделать слугами своего режима людей, которые при предыдущем правительстве от имени свободы поднимали наибольший шум. С людьми, обладающими большой силой характера, случается то же, что и с

¹ Дух законов. Кн. XXV. Гл. 9.

² Государь. Гл. 9.

женой богатого человека: нужно лишь удвоить цену, чтобы овладеть ею. Те из них, которые не поддадутся подкупу, не устоят перед почестями, которые им предложат. Те, кого не привлечь почестями, не устоят перед подкупом. Когда люди увидят, как свершается падение тех, кого ранее почитали как характеры чистые, то общественное мнение в этом вопросе станет столь податливым, что перестанет обращать на это внимание. Разве есть на что жаловаться? Я буду жесток лишь с теми, которые не захотят оставить политику, я стану преследовать лишь одну эту страсть, другие человеческие страсти я буду даже тайно поощрять тысячей скрытых от глаз способов, имеющихся в распоряжении абсолютной власти.

Монтескье

После уничтожения политической совести вам следовало бы уничтожить и обычную человеческую совесть. Вы убили человеческое общество, теперь вы убиваете отдельного человека. Если бы только Бог устроил все так, чтобы ваши слова были услышаны там наверху, на земле. Никогда не получили бы люди более убийственного опровержения своих учений.

Макиавелли

Позвольте мне закончить.

Разговор двадцать четвертый

Макиавелли

Мне осталось лишь указать вам на определенные особенности моего образа действий, на определенные привычки в моем поведении, которые придадут моему правлению особый облик.

Во-первых, мне хотелось бы, чтобы мои намерения казались не постижимыми даже людям из моего ближайшего окружения. В этом отношении я стремился бы уподобиться в поведении Александру VI и герцогу Валентинуа. При римском дворе говорили, что первый из них

никогда не делал того, о чем говорил, а второй никогда не говорил о том, что делал. Я сообщу о моих планах лишь тогда, когда позабочусь об их исполнении, и я отдам распоряжения в самый последний момент. Борджиа никогда не поступал иначе. Даже его министры не знали ни о чем, и его окружению всегда приходилось довольствоваться лишь догадками. У меня есть дар оставаться неподвижным, когда дичь, на которую я охочусь, появляется передо мной. В этом случае я гляжу в другую сторону, и, когда она оказывается на расстоянии протянутой руки, я неожиданно оборачиваюсь и набрасываюсь на нее прежде, чем она издаст крик.

Вы себе представить не можете, какое уважение приносит монарху такое искусство притворяться. Если оно соединяется с силой поступка, то государя окружает суеверный страх подданных. Его советники тихо спрашивают себя, что ему придет в голову на сей раз. Народ верит только в него. Когда он проходит мимо людей, те с непроизвольным страхом и трепетом думают о том, что монарх может свершить одним лишь своим взглядом. Сопредельные государства пребывают в постоянном страхе и засыпают его свидетельствами своего почтения, поскольку им никогда не известно, не обрушится ли уже сегодня или завтра на них его армия, полностью готовая к действию.

Монтескье

Вы жестко обходитесь со своим народом, склонившим голову под ярмом вашего правления, но если вы обманете государства, ведущие с вами переговоры, точно так, как вы обманываете своих подданных, то вас в скором времени раздавит их коалиция.

Макиавелли

Вы отвлекаете меня от моего предмета, я занят здесь лишь внутренней политикой. Однако если вы хотите познакомиться с одним из важнейших средств, с помощью которых я смогу подавить коалицию иностранных государств, меня ненавидящих, то я назову вам его: я владыка огромнейшего царства, я вам об этом уже говорил. Я выбрал бы среди граничащих со мной государств одну большую страну, пришедшую в упадок, но стремящуюся вновь подняться наверх. Я бы помог ей подняться очень высоко с помощью большой войны, как это было со Швецией или Пруссией и как это в самом скором времени может

произойти с Германией или Италией. И эта страна, существующая лишь моей милостью, являющаяся лишь отростком моего собственного существования, предоставляла бы в мое распоряжение, пока я оставался бы у власти, еще триста тысяч солдат против вооруженной Европы.

Монтескье

А как обстоит в этом случае дело с благом вашего собственного государства, находящимся в соседстве с возвращенной вами силой, которая станет вашей соперницей и вследствие этого в определенное время — вашим врагом?

Макиавелли

Я должен заботиться в первую очередь о сохранении себя.

Монтескье

И больше вас ничего не заботит, даже судьба вашей империи?

Макиавелли

Кто вам это сказал? Забота о моем благе — это забота о благе моей империи.

Монтескье

Над вашим королевским ликом приподнимается одна завеса за другой — я хотел бы увидеть его полностью.

Макиавелли

Не прерывайте же меня все время.

Ни один из государей, сколь одарен бы он ни был, не обладает всеми необходимыми интеллектуальными способностями. Наивысшее дарование государственного мужа заключается именно в том, что он присваивает мысли, высказываемые его окружением. Там часто можно обнаружить самые блестящие идеи. Поэтому я довольно часто буду созывать государственной совет, я буду побуждать его к дискуссиям и к проводимым в моем присутствии дебатам по самым важным вопросам. Если монарх не решается вынести собственное суждение или не обладает

даром скрыть за своими словами свое истинное мнение, пусть он молчит или говорит лишь для того, чтобы стимулировать дискуссию. Редко бывает так, что в хорошо подобранном государственном совете не найдешь правильного ответа на вопрос, какую сторону следует принять в данной ситуации. Это мнение присваиваешь себе, и один из тех людей, кто незаметно выразил свой взгляд, будет крайне удивлен, когда на следующий день увидит, какое воплощение нашла его мысль.

Во всех моих учреждениях и действиях вы могли заметить, сколь большое значение я всегда придавал сохранению видимости. Это касается как слов, которые ты произносишь, так и дел, которые ты совершаешь. Главная тонкость заключается, однако, в том, что ты заставляешь людей верить в твою честность, когда сам вовсе не намерен быть честным. Непредсказуемыми будут не только мои мысли. И слова мои почти всегда будут означать совершенно противоположное тому, о чем они якобы возвещают. Лишь посвященные проникнут в смысл типичных оборотов речи, которые время от времени будут достигать с высот моего трона ушей народа. Если я скажу, что мое правительство — это правительство мирное, то это означает, что скоро начнется война. Если я скажу, что ограничиваюсь применением оружия духа, это означает, что я прибегну к насильственным мерам. Вы понимаете меня?

Монтескье

Да.

Макиавелли

Вы слышали, что у моей прессы сотня разных голосов, которые говорят о величии моего правления, о восторженном почитании моими подданными своего монарха и одновременно вкладывают в уста публики мнения, мысли, вплоть до формулировок, которыми люди пользуются в своих разговорах. Кроме того, вы слышали, что мои министры непрерывно ошеломляют общественность своими отчетами, в достоверности которых нет сомнений. Что касается лично меня, то я крайне редко буду брать слово — лишь один раз в году по значительным поводам. Поэтому любое из моих заявлений, не только в империи, но и во всей Европе, будет рассматриваться как огромное событие. Государь, власть которого опирается на демократическое основание, должен владеть культурной, однако доступной народу речью. Если это необходимо, он не

должен бояться и демагогических приемов речи, поскольку он в своем лице представляет весь народ, и у него должны быть свои пристрастия. Он должен идти народу навстречу, слегка польстить ему и при случае пустить сентиментальность. Ему не стоит заботиться о том, чтобы в глазах образованных людей эти средства не предстали низкими или ребяческими. Народ не посчитает их таковыми, а успех оправдает все.

В своей книге я рекомендую государю подражать какому-либо одному великому человеку прошлого и по возможности идти по его стопам.¹ Сходство с историческими личностями производит на массы большое впечатление. В их фантазии ты вырастаешь, уже при жизни приобретаешь место, которое тебе отведут потомки. Кроме того, в жизни этих великих людей ты отыскиваешь аналогии, полезные указания, часто и похожие ситуации, что позволяет сделать ценные выводы. В истории ты отыщешь все важные политические учения; если ты отыскал великого человека, с которым можешь сравнить себя, то можешь пойти еще дальше. Вам известно, что народы любят просвещенных правителей, интересующихся изящными науками, обладающих собственным талантом в них. В этом случае государь не сможет найти лучшего способа занять часы своего досуга, чем, например, написать историю великого человека прошлого, которого он взял себе за образец. Пусть строгая наука осудит эти плоды человеческой слабости. Если монарх — сильная личность, ему простят эту слабость, и она придаст ему даже определенную привлекательность.

Некоторые слабости, даже и некоторые пороки, впрочем, столь же полезны государю, как и добродетели. Вы могли бы распознать истинность этого наблюдения уже по тому, как я прибегаю то к обману, то к насилию. К примеру, не следует полагать, что монарху может повредить его природная мстительность; хотя зачастую и полезно обнаружить мягкость и добросердечие, все же в определенные моменты следует давать выход своему гневу самым устрашающим образом. Человек — это подобие Божие, и божество обнаруживает в творениях своих как жестокость, так и великодушие. Если я намерен погубить своих врагов, я буду топтать их до тех пор, пока они не превратятся в пыль. Люди способны мстить лишь за мелкие несправедливости, им причиненные, против большой несправедливости они бессильны. Об этом я, впрочем, отчетливо высказался в своей книге. У государя есть выбор, когда он

¹ *Государь. Гл. 14.*

прибегает к инструменту удовлетворения своего гнева. Он всегда отыщет судей, готовых пожертвовать своей совестью ради его действий, поставленных на службу его мести или гневу.

Вам не следует опасаться, что народ когда-либо придет в волнение из-за ударов, мною наносимых. Он любит ощущать силу руки, которая направляет его, и ненавидит того, кто выделяется из общей массы, и радуется уничтожению такого человека. Вы должны подумать и о том, как легко люди все забывают. Когда время наказаний прошло, о них почти не вспоминают даже те, кого эти наказания затронули. Тацит сообщает, что в Риме во времена поздней античности жертвы прямо-таки с радостью шли навстречу своим наказаниям. Вы ведь понимаете, что в наше время не идет и речи о чем-либо подобном. Нравы стали довольно мягкими. Высылка из страны, арест, лишение гражданских прав — все это довольно легкие наказания. Разумеется, не обошлось без кровопролития при установлении суверенной власти, не обошлось без нарушения многочисленных прав; однако — и я повторю это — все это забудется. Самый ничтожный шаг монарха навстречу интересам людей, несколько дружелюбных жестов со стороны его министров или чиновников будут восприняты с выражением глубокой благодарности.

Если нельзя обойтись без наказаний, проводимых с непреклонной жестокостью, то с той же пунктуальностью следует осуществлять и награждения. И я об этом никогда не забуду. Когда кто-либо окажет услугу моему правительству, он будет вознагражден за это в тот же день. Назначение на должность, вручение знаков отличия, присуждение самых высоких званий станут определенными этапами в карьере тех, кто имеют заслуги в осуществлении моей политики. В армии, в системе управления, во всех общественных учреждениях поощрение будет соизмеряться со степенью преданности служения моему правительству. Вы ничего не говорите по этому поводу.

Монтескье

Продолжайте.

Макиавелли

Я снова возвращаюсь к определенным недостаткам характера, даже к чудачествам, которые, как я полагаю, должен иметь монарх. В самом отпращивании власти содержится нечто, вызывающее страх. Сколь ловок

бы ни был суверенный правитель, сколь безошибочен ни был бы его острый взгляд и сколь твердой решимостью он бы ни обладал, его существование всегда связано с чудовищным риском. Он должен быть суеверным. Не думайте, что это не имеет значения. В жизни государя встречаются столь тяжкие ситуации, столь тяжеловесные мгновения, что человеческая прозорливость здесь отказывает. В таких случаях можно чуть ли не гадать, бросая кости, о том, как же поступить. Метод, которому я бы следовал, заключается в том, чтобы при определенном положении вещей придерживаться исторических дат, предпочитать приносящие счастье памятные дни и принимать то или иное смелое решение в тот счастливый для меня день, когда я одержал победу или осуществил удачное предприятие. Я могу сказать вам, что суеверие обнаруживает и еще одно большое преимущество, если народу известна эта склонность своего монарха. Предприятия, поставленные в зависимость от подобных счастливых обстоятельств, удаются чаще других. Эти предначертания следует использовать и тогда, когда ты уверен в успехе. Народ, который судит о правителе по его успехам, привыкает к вере в то, что любое деяние монарха предопределено расположением звезд и что дело, начатое в историческую минуту, принесет счастье.

Монтескье

И этим сказано последнее: вы игрок.

Макиавелли

Совершенно верно, но мне при этом везет самым неслыханным образом. Моя рука столь тверда, в моей голове столько идей, что счастье не сможет отвернуться от меня.

Монтескье

Поскольку вы набрасываете свой портрет, вам можно обладать и другими пороками или — по вашей оценке — добродетелями, которые вы сами себе прощаете.

Макиавелли

Простите мне чувственность. Страсть к женщинам сослужит авторитету монарха значительно большую службу, чем вы можете предпо-

ложить. Генрих IV частью своей популярности был обязан излишества, которые он себе позволял. Люди таковы, что им нравится эта черта в правителях. Выходить за рамки добродетели стремились во все времена, и в галантной сфере разворачивалось соревнование, в котором государь обязан был опережать других, подобно тому, как он на поле боя вел за собой своих солдат на врага. Так думают французы, и я полагаю, что знаменитому автору «Персидских писем» это обстоятельство не будет слишком несимпатичным. Я не позволю себе обратиться к слишком непристойным мыслям, однако не могу удержаться от того, чтобы сказать вам: к наиболее осязаемому результату галантного поведения государя следует отнести то, что он тем самым овладевает симпатиями всей прекрасной половины его подданных.

Монтескье

Это приобретает поэтическую окраску.

Макиавелли

Можно преследовать самые серьезные цели и быть при этом галантным. Вы сами явили подобный пример. Мне нечего убрать из моего предложения. Влияние женщин на общественное мнение значительно. Если монарх хочет быть хорошим политиком, он просто обречен на то, чтобы завязывать любовные связи, даже если это ему в общем и целом не по душе. Впрочем, такое бывает редко. Могу вас заверить, что в моем царстве мало кто будет печься о свободе, если я буду соблюдать только что установленные мною правила. У людей будет государь, крепкий телом, способный на излишества, на рыцарское обхождение, ловкий в любых физических упражнениях, и его будут любить. Люди более серьезные ничего не смогут здесь изменить. Приходится плыть по течению; более того, люди с самостоятельными характерами будут пользоваться дурной славой, от них будут держаться подальше. Никто не поверит ни в твердость их характера, ни в их бескорыстие. К ним будут относиться как к недовольным, только и ждущим того, чтобы их купили. Если бы я не поддерживал одаренных людей, их гнали бы отовсюду, совесть топтали бы с такой же легкостью, как брусчатку на улице. Однако в основе основ я буду все же монархом со строгой нравственностью. Я не допущу, чтобы люди переходили определенные границы. Я сделаю так, что станут уважать приличия, требуемые в общественной

жизни. Грязь не пристанет ко мне, поскольку вину за все, что вызовет ненависть к моему правительству, я возложу на других. Самое плохое, что обо мне скажут,— это будет то, что, хотя я и добрый монарх, меня окружают злые люди, что помыслы мои устремлены к наилучшему, что я со всем усердием стремлюсь к этому и всегда останусь таковым, если только обратить на это мое внимание.

Если бы вы только знали, как легко править страной, обладая абсолютной властью. Вы не столкнетесь ни с какими противоречиями, ни с каким сопротивлением. Можно спокойно следовать своим планам, есть время, чтобы исправить ошибки, если таковые совершены. О счастье народа можно заботиться и без участия оппозиции, поскольку забота об этом никогда не покидает меня. Могу заверить вас, что в моей империи не будет скуки. Умы людей будут постоянно заняты тысячей самых разнообразных вещей. Я подарю народу зрелище моих экипажей и праздничных выездов моего двора, подготовлю большие празднества, заложу сады и парки, приглашу в гости королей, стану принимать посольства из самых дальних стран. Целыми месяцами люди будут судачить то о предстоящей войне, то о дипломатических осложнениях. Я не остановлюсь на этом. Я удовлетворю и манию свободы. Войны, ведущиеся моим правительством, будут вестись во имя свободы народов и независимости наций, и, когда мой народ будет ликовать по поводу моих победоносных походов, я тайно скажу на ухо другим абсолютным монархам: не бойтесь ничего, я ваш, я ношу такую же корону, и я надеюсь ее сохранить. Я заключу европейскую свободу в свои объятия, но сделаю это с одной целью — чтобы задушить ее.

Лишь одно на короткое мгновение сможет омрачить мое счастье — и это будет день, когда повсюду узнают, что моя политика лишена чести, что все мои деяния построены на расчете.

Монтескье

И кто же будет столь слеп, что не увидит этого?

Макиавелли

Весь мой народ, за исключением отдельных кругов, до которых мне нет дела. Я в своем ближайшем окружении воспитал целую школу политиков, представляющих собой относительно большую силу. Они не представляют себе, сколь заразителен макиавеллизм и как легко следо-

вать его заветам. Во всех правительственных учреждениях найдутся люди, не имеющие характера вовсе или имеющие лишь слабый характер,— настоящие маленькие Макиавелли, которые умеют хитрить, притворяться и лгать с непоколебимым хладнокровием. В таком случае правда никогда не выйдет наружу.

Монтескье

Если вы, Макиавелли, от начала до конца нашей беседы разыгрывали меня, как я полагаю, то ирония эта — ваше самое блестящее достижение.

Макиавелли

Ирония! Если вы так считаете, вы очень и очень ошибаетесь. Разве вы не понимаете, что я говорил здесь без всякого приукрашивания, и чудовищная сила истины придает моим словам тот тон, который, как вам показалось, в них звучал.

Монтескье

Вы закончили.

Макиавелли

Еще не совсем.

Монтескье

Так заканчивайте же.

Разговор двадцать пятый

Макиавелли

Я буду править так десять лет, не предпринимая никаких изменений в моем однажды принятом законодательстве. Конечного успеха можно достичь лишь такой ценой. Ничто, абсолютно ничто не должно изме-

няться за это время. Крышка, которой закрыт паровой котел, должна быть тяжелой, как свинец. И в течение этого времени завершится процесс распада оппозиционного духа. Вы подумаете, что люди будут ощущать неудобства, что станут жаловаться. Вовсе нет! Будет непростительной ошибкой, если я допущу это. Если же гайки закручены очень сильно, если я придавлю мой народ самым тяжелым бременем, люди скажут: у нас то правительство, которого мы заслужили, и мы должны его терпеть.

Монтескье

Довольно близоруко использовать это в качестве оправдания собственного господства, не понимая, что эти слова, будучи произнесенными, вызовут в людях сильную тоску по прошлому. В этих словах звучит фатализм стойка, возвещающий о вашем судном дне.

Макиавелли

Не прерывайте меня. Затем настанет день ослабить гайки, я верну народу некоторые свободы.

Монтескье

Было бы в тысячу раз лучше, если бы вы довели свой гнет до крайних пределов. Народ ваш ответил бы вам: оставьте себе то, что вы у нас отняли.

Макиавелли

В ваших словах я распознаю непримиримую ненависть оппозиции. Она не признает ничего из того, что относится к ее политическим противникам, абсолютно ничего, даже их благие дела.

Монтескье

Нет, Макиавелли, мы не желаем иметь с вами ничего общего, совершенно ничего! Жертва, ведомая на плаху, не приемлет благих дел своего палача.

Макиавелли

Мне чрезвычайно легко узреть тайные замыслы моих врагов. Эти люди воображают, надеются, что силы, на которые я оказываю давление,

рано или поздно отбросят меня прочь. Это бессмыслица! Они узнают меня лишь тогда, когда я доведу свой труд до конца. Что необходимо в политике, чтобы при сильнейшем давлении избежать любой опасности взрыва? Требуется незаметное отверстие, клапан. И у меня он будет.

Я не дам народу сколько-нибудь заметных свобод, это совершенно определено. Необходимо будет сначала оценить, до какой степени абсолютизм вошел уже в привычку. Готов заключить любое пари, что при первых же слухах о даровании этих свобод в моем ближайшем окружении раздадутся голоса недовольных. Мои министры, мои государственные советники заявят, что я выпускаю из рук рулевое колесо, что все потеряно. Во имя государственного блага, во имя блага страны меня будут заклинять не делать ничего подобного. Народ скажет: о чем он, собственно, думает? Его гений покидает его. Люди равнодушные скажут: этот человек мертв.

Монтескье

И все они будут правы. Ведь один современный писатель сказал (а в его словах заключается глубокая истина): «Если у людей захотят отнять их права, то не следует делать это наполовину. То, что у них останется, послужит им лишь для того, чтобы снова завоевать отнятое у них. Рука, оставшаяся свободной, освободит другую руку от пут».

Макиавелли

Это очень верно продумано. Это совершенно правильно. Я знаю, что захожу очень далеко. Вы, надеюсь, понимаете, что по отношению ко мне проявляют несправедливость, что я люблю свободу больше, чем полагают. Вы спросили меня недавно, могу ли я отказаться от самого себя, могу ли я пожертвовать собой ради своего народа, могу ли я в определенном случае оставить трон. Вот мой ответ: я оставлю трон, но лишь как мученик.

Монтескье

Ваше мнение заметно смягчилось. Какие свободы вы вернете народу?

Макиавелли

Я позволю законодательной палате по случаю Нового года преподнести мне свои пожелания в форме приветственного адреса.

Монтескье

Поскольку преобладающее большинство депутатов палаты вам предано, что они смогут преподнести вам, кроме изъявлений благодарности и доказательств своего восхищения и почитания?

Макиавелли

Что же! Разве эти доказательства не естественны?

Монтескье

Это все свободы, о которых вы хотели сказать?

Макиавелли

Однако эта первая уступка все же достаточно значима, чтобы вы ни говорили против нее. Но я на этом не останавлиюсь. Во всей Европе происходит сейчас движение, направленное против централизации, причем движение не в массах, а, скорее, в кругах людей образованных. Я осуществляю децентрализацию, т. е. наделю моих губернаторов в провинциях правом решать множество мелких локальных вопросов, решение которых прежде зависело от моих министров.

Монтескье

Вы сделаете свою тиранию еще более невыносимой, если не примете во внимание в этой реформе саму общину.

Макиавелли

Вот вам та загадочная спешка, с которой все, кто требуют реформ, рвутся вперед. По пути свободы следует передвигаться осторожными шагами. Однако я не ограничусь лишь тем, о чем сказал. Я дарую свободу в сфере деловой жизни.

Монтескье

Вы уже говорили об этом.

Макиавелли

Ведь я всегда испытывал симпатию к промышленности. Я не хотел бы, чтобы говорили, будто мое законодательство вследствие моего чрезмерного недоверия к народу препятствует ему самостоятельно заботиться о жизненных средствах. По этой причине я предложу палатам законы, цель которых — воспрепятствовать запретам на создание торговых компаний. Впрочем, терпимость моего правительства в этом вопросе делает эту меру вовсе излишней, и поскольку нельзя, в конце концов, выпускать оружие из рук, то в этом законе ничего не изменят, кроме его формулировки. Сегодня в палатах есть депутаты, которые весьма охотно идут на такие невинные уловки.

Монтескье

Это все?

Макиавелли

Да. Ведь и этого много — может быть, слишком много. Однако я верю, что могу быть за это спокойным. Моя армия воодушевлена, мое чиновничество верно мне, а мое уголовное законодательство функционирует с регулярностью и точностью тех ужасных, способных на все машин, которые изобретены современной наукой.

Монтескье

Итак, вы не внесете никаких изменений в законы о печати?

Макиавелли

Журналисты сами того не пожелают.

Монтескье

И никаких изменений в законы об управлении общинами?

Макиавелли

Это совершенно невозможно.

Монтескье

И никаких изменений в вашу систему воздействия на всеобщее голосование?

Макиавелли

Нет.

Монтескье

И ничего в систему организации сената, законодательной корпорации, в систему внешней и внутренней политики, в вашу экономику, финансовое хозяйство?

Макиавелли

Я внесу только те изменения, о которых я вам сказал. Чтобы было яснее, могу сказать, что я покину эпоху террора и встану на путь толерантности. Я могу сделать это совершенно безопасно. Я мог бы даже вернуть народу подлинные свободы, поскольку надо совсем утратить политическое чутье, чтобы не распознать, что мое законодательство за установленный мной период принесло все свои плоды. Я достиг поставленной цели. Изменился характер народа. Послабления, которые я ему даровал, были для меня лишь мерой величия моего успеха. Все теперь достигнуто, все свершилось. Сопротивление более невозможно. Более не существует подводных камней, на которых я мог бы потерпеть крушение. Вообще более ничего нет! И по этой причине я не стану ничего возвращать. Вы уже высказались на этот счет: так выглядит истина на практике.

Монтескье

Поторопитесь же закончить, Макиавелли. Пусть моя тень никогда вновь не встретится с вами, пусть Бог сотрет из моей памяти без остатка все, что я услышал.

Макиавелли

Будьте осмотрительны, Монтескье. До тех пор пока начинающаяся сейчас минута не канет в бесконечность, вы в страхе будете бежать за мной, и мысль об этой беседе принесет вечные мучения вашей душе...

Монтескье

Говорите же.

Макиавелли

Итак, вернемся к делу. Я совершил все, о чем рассказал вам. С помощью этих уступок либеральному духу моей эпохи я лишил оружия злобствующую оппозицию.

Монтескье

Вы все же не отбрасываете маску притворства, к которой уже прибегали, чтобы совершить преступления, которые еще не были описаны ни на одном из языков человечества. Следовательно, вы хотите, чтобы я покинул вечный мрак для борьбы с вами. Но Макиавелли! Вы ведь сами не учили людей такому унижению! Не вы искушали людей поступать против совести, не вы набрали на мысль превратить душу человеческую в грязь, в которой божественный творец не распознает более своего земного подobia.

Макиавелли

Это так, меня в этом превзошли другие.

Монтескье

Ступайте же прочь. Не продолжайте ни секунды эту беседу.

Макиавелли

Я закончу свою речь до того, когда тени, толпящиеся там внизу и приближающиеся к нам, достигнут той темной пропасти, которая еще отделяет нас от них. Когда они достигнут того места, вы меня более не увидите и напрасно будете взывать ко мне.

Монтескье

Так закончите же свою речь. Это должно стать наказанием за ту неосмотрительность, которую я допустил, ввязавшись в эту бесчестную словесную перепалку.

Макиавелли

О, свобода! С какой же силой ты удерживаешь души некоторых людей, в то время как весь народ презирает тебя или, потеряв тебя, утешается парой детских забав. Позвольте рассказать вам по этому поводу одну очень короткую историю. Дион повествует о том, что римский народ был недоволен Августом, поскольку некоторые законы, им изданные, были слишком жесткими, но недовольство улеглось, когда он вернул из ссылки комедианта Пилада, которого революционеры изгнали из города.

Такая вот история. А вот и вывод, который делает автор: «Этот народ ощущал бóльшую тиранию тогда, когда был изгнан комедиант, чем тогда, когда у него были отняты все права».¹ Вам известен автор этих строк?

Монтескье

Меня это не волнует.

Макиавелли

Узнайте же самого себя, ведь это были вы. Что же можно спросить с меня, если я вижу вокруг себя только низких людей? И при моем правлении будут существовать комедианты, и они должны повести себя совсем уж дурно, чтобы я решился выкинуть их вон.

Монтескье

Я не уверен, что вы точно процитировали мои слова, однако я приведу вам цитату, за которую могу отвечать:

«Характер государя столь же сильно воздействует на свободу народа, как и законы. Он, как и законы, может превратить людей в живот-

¹ Монтескье в «Духе законов». Кн. XIX. Гл. 2.

ных, а животных превратить в людей. Если он любит свободные умы, то он будет управлять подданными, если же ему любезны низкие характеры, он будет управлять рабами».

Вот мой ответ. И если бы я сегодня хотел что-либо добавить к этой цитате, то сказал бы следующее: «Если нравственность, живущая в народе, изгнана от двора королей, там находит распространение бесстыдная продажность, проникающая лишь в души тех, кто связан с дурным правителем. Любовь к добродетели живет в сердцах народа, и власть ее так велика, что стоит только злому государю исчезнуть, как снова, благодаря силе, скрывающейся в самом предмете, нравственность возвращается одновременно со свободой во всех деяниях правительства».

Макиавелли

Красиво сказано и просто сформулировано. Вам только не повезло с тем, о чем вы тут сказали, по той причине, что в умах и сердцах моего народа я сам — воплощенная добродетель, даже более того, я — воплощение свободы, равно как и воплощение революции, прогресса, современного духа и, наконец, всего положительного, что только есть в культуре моей эпохи. Я не утверждаю, что меня уважают и любят, однако я утверждаю, что меня почитают, что народ буквально обожествляет меня, что мне, если бы я того пожелал, стали бы воздвигать алтари, поскольку судьба — и вы должны это понять — наградила меня даром воздействия на массы. В вашей стране обезглавили Людовика XVI, со всей искренностью, со всем пылом своей истинно честной души желавшего для своего народа только хорошего, а незадолго до этого возводили алтари в честь Людовика XIV, который о народе заботился меньше, чем о самой ничтожной из своих метресс, который по малейшему поводу отдавал приказ стрелять в толпу, в то время как играл с Лозоном в кости. Однако народная воля, на которой основывается моя власть, подняла меня много выше Людовике XIV. Я — Вашингтон, я — Генрих IV. Я — святой Людовик, я — Карл Мудрый. Я привожу в пример ваших лучших королей, чтобы оказать вам тем самым честь. Я одновременно — король Египта и Азии, я фараон, Кир, Александр, я Сарданапал. Сердца народа бьются сильнее, когда я прохожу в толпе. Народ, словно в опьянении, бежит вслед за мной. Мне поклоняются, как кумирам. Отец ука-

зывает на меня своему сыну, мать произносит в своих молитвах мое имя, молоденькая девушка поднимает свой взор на меня, вздыхая при этом и думая, что, если мой взгляд случайно упадет на нее, она когда-нибудь сможет покоиться на моем ложе. Если несчастного человека одолели заботы, он говорит: знал бы об этом король. Если кто-то хочет прибегнуть к мести и надеется на помощь, то он говорит: пусть об этом узнает король. Вообще же никого из тех, кто придет ко мне, я не отпущу, не осыпав золотом. Люди из моего окружения жестокосерды, склонны к насилию, часто заслуживают того, чтобы их подвергли телесному наказанию, но все и должно так обстоять. Ведь их ненавистный, презренный характер, их низменные стремления, произвол, их бесстыдная роскошь, их грязная похоть резко контрастируют с моим мягким нравом, с моими скромными привычками, с моим безграничным великодушием. Скажу вам, что мне будут поклоняться, как Богу. Если разразится непогода, резко возрастут пени, случится большой пожар, я устремлюсь на место действия, народ бросится к моим ногам,— он вознес бы меня на руках прямо к небу, если бы Господь дал ему крылья.

Монтескье

Что нисколько не помешало бы вам при малейших признаках сопротивления разогнать его с помощью оружия.

Макиавелли

Это верно. Ведь не существует любви без страха.

Монтескье

Закончился ли этот кошмарный сон?

Макиавелли

Сон! О, нет, Монтескье! Вам долго еще придется стенать. Порвите свой «Дух законов», упросите Бога, чтобы он даровал вам с небес забвение, поскольку сейчас выступит на свет страшная истина, о которой вы, пожалуй, уже догадывались. Все то, о чем я вам рассказал, не сон и не фантазия.

Монтескье

Что вы этим хотите сказать?

Макиавелли

Все, что я описал для вас подробно, все эти чудовищные вещи, от которых наш дух отвращает свой лик, это дело, которое был бы способен совершить сам дьявол,— все это нашло свое воплощение, все это существует, все это цветет пышным цветом, сейчас, в этот час и в это мгновение в том месте на земле, которое мы с вами покинули.

Монтескье

Где же?

Макиавелли

Нет, я не смогу сказать вам этого. Это значило бы заставить вас умереть во второй раз.

Монтескье

Говорите же, заклинаю вас небом!

Макиавелли

Ну что ж...

Монтескье

Что?

Макиавелли

Мой час настал? Разве вы не видите, как буря несет меня прочь!

Монтескье

Макиавелли!!!

Макиавелли

Вы видите тени, пролетающие мимо вас так близко с закрытыми глазами? Вы узнаете их? Это ваши герои свободы, благодаря которым вам завидовал весь мир. Теперь они требуют от Бога вернуть им их отечество...

Монтескье

Господь вездесущий, и ты допустил это!..